

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-26-30>

NIJON: 2003-0059-2/23-605

MOSURED: 77/27-003-2023-02-804

Последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств–членов Организации Объединенных Наций в формате включенности в деятельность Международного Суда

Валерий Викторович Богатырев¹, Рубен Амаякович Каламкьян²

^{1,2} Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Аннотация. Прослеживается последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств–членов Организации Объединенных Наций в формате включенности в деятельность Международного Суда.

Ключевые слова: Российская Федерация, Международный Суд, обеспечение юридической безопасности государств–членов ООН

Для цитирования: Богатырев В. В., Каламкьян Р. А. Последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств–членов Организации Объединенных Наций в формате включенности в деятельность Международного Суда // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 2. С. 26–30. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-26-30>.

Original article

Consistent foreign policy of the Russian Federation to ensure the legal security of the member states of the United Nations in the format of involvement in the activities of the International Court

Valery V. Bogatyrev¹, Ruben A. Kalamkaryan²

^{1,2} Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia

² Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ valerii.bg@mail.ru

² mp_ved.vlsu@mail.ru

Abstract. The work shows the consistent foreign policy of the Russian Federation to ensure the legal security of the member states of the United Nations in the format of involvement in the activities of the International Court.

Keywords: the Russian Federation, International Court, enforcement of the juridical security of states–members of the United Nations

For citation: Bogatyrev V. V., Kalamkaryan R. A. Consistent foreign policy of the Russian Federation to ensure the legal security of the member states of the United Nations in the format of involvement in the activities of the International Court. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(2):26–30. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-2-26-30>.

Последовательный внешнеполитический курс Российской Федерации по обеспечению юридической безопасности государств–членов Организации Объединенных Наций в формате заявленной приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита

2005 г., Декларация пяти принципов внешней политики 2008 г.) подтверждает себя в деятельности России по содействию осуществлению Международным Судом своей функции по отправлению международного правосудия по линии обеспечения юридической безопасности государств-членов Организации Объединенных Наций.

Юридическая безопасность в своем академическом и прикладном плане понимается как совокупность субъективных прав и законных интересов государств. Осуществляя свою деятельность по разрешению межгосударственных споров, Международный Суд, тем самым, выполняет роль по обеспечению права в плане его выполняемости в режиме добросовестного соблюдения международных обязательств государствами-членами Организации Объединенных Наций. Соответственно обеспечивается и юридическая безопасность государств, коль скоро разрешение межгосударственных споров содействует обеспечению субъективных прав и законных интересов государств-членов мирового сообщества. Таким образом, через процедуру разрешения межгосударственных споров Международный Суд как главный судебный орган ООН содействует поддержанию универсальной юридической безопасности мирового сообщества.

Включенность Международного суда в формат миропорядка на основе верховенства прав Rule of Law (это предусматривается такими универсально принятыми документами, как Декларация тысячелетия 2000 г. и Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) определяется его ролью как главного судебного органа Организации Объединенных Наций, призванного через применение всей источниковой базы международного права (ст. 38 Статута суда) содействовать мирному разрешению споров (ст. 33 Устава ООН).

Международный суд как орган международного правосудия, который знает права (*jura novit curia*), выносит в режиме юридического равенства заявителя (призванного представить доказательства в поддержку своей позиции при условии отказа в принятии его дела по факту непредставления надлежащих доказательств – *actore non probante reus absolvitur*) и ответчика (*audiatur at altera pars*) окончательное решение — юридически обязательное для участвующих в деле сторон (*res judicata*).

Позиционная значимость Международного суда определяется его ролью в деле поддержания юридической безопасности государств-членов мирового сообщества, когда суд как орган по обеспечению права через выносимое им решение по делу содействует защите субъективных прав и законных интересов государств. «К ведению Суда относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом Организации Объединенных Наций или действующими договорами и конвенциями» — так Статут в п. 1 ст. 36 определил круг компетенции Международного суда. По факту

передачи дела суду, суд вне зависимости от характера спора призван через применение всей источниковой базы международного права согласно п. 1 ст. 38 Статута (основные источники: международные конвенции, международный обычай, общие принципы права; вспомогательные источники: судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) или на основе справедливости *ex aequo et bono* (по согласию сторон) разрешить спор, вынести надлежащее решение и перенести взаимные отношения сторон в разряд нормальности и доверительности. При этом Международный суд как орган международного правосудия в силу запрета *non-liquet* не может отказаться вынести решение за неясностью или отсутствием подлежащей применению нормы права (ст. 11 Образцовых правил арбитражного процесса, принятых Комиссией международного права ООН в 1950 г.).

Предписание востребованности разрешения межгосударственных споров через посредство Международного суда (как оно проявляет себя в рамках миропорядка на основе верховенства права) параллельно с этим допускает включенность в процесс разбирательства в суде главных и других органов ООН, а также специализированных учреждений. Однако речь здесь идет не о спорной юрисдикции, а о консультативной юрисдикции. Положения ст. 96 Устава ООН, а также вся глава IV Статута суда (ст.ст. 65–68) посвящены институту консультативных заключений Международного суда. Запрос по линии орган ООН — Международный суд в одном случае идет от имени Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности, а в другом случае от имени других органов ООН и ее специализированных учреждений (с разрешения Генеральной Ассамблеи). Предметом запроса о консультативном заключении согласно Уставу ООН и Статуту суда является «любой юридический вопрос», также как предметом спорной юрисдикции Международного суда опять-таки согласно Уставу ООН являются «споры юридического характера». Между тем известно, что согласно общепризнанному принципу о запрете *non-liquet* [2, p. 231–237; 3, p. 13; 4, p. 16, 18, 260] суд как орган правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Тем самым суд принимает к рассмотрению любые споры и любые вопросы, переданные ему сторонами для разбирательства. В практике Международного суда никогда не было разделения споров и вопросов, с которыми к нему обратились субъекты международного права, на юридические и политические. Все споры и все вопросы, поступившие в суд в соответствии с его Статутом, принимаются Международным судом к рассмотрению и по ним выносятся решения или консультативное заключение.

Включенность Международного суда в дело нормального (в смысле поступательного) развития современного миропорядка определяется его ролью по

обеспечению выполняемости норм международного права на основе принципа добросовестности.

Право как позитив должного поведения государств действует в режиме предписания добросовестного соблюдения государствами своих международных обязательств и санкционирования по обстоятельствам их нарушения. Для Международного суда как главного судебного органа ООН его значимость проявляется себя через создание надлежащих условий для разрешения всех возникших межгосударственных споров по предмету выполнения государствами своих международных обязательств (вне зависимости от их происхождения: договорные или обычного порядка) исключительно в режиме принципа добросовестности. Международное право, как известно, санкционирует не только прямое нарушение, но и недобросовестное его соблюдение. Доктрина международного права (профессора Б. Ченг, Э. Золлер, Ш. Руссо, Х. Лаутерпахт, Л. Оппенгейм и др.) [4, р. 105–163; 5, р. 109–122; 6, р. 382–384; 2, р. 47, 237, 268, 378; 2, р. 38, 44], равно как и практика международных судебно-арбитражных органов (решения от 25 мая 1926 г. по делу о германских интересах в польской Верхней Силезии, решение от 28 ноября 1958 г. по делу о применении Конвенции 1902 г. о защите несовершеннолетних, решение от 6 апреля 1938 г. по делу о Трейл Сметте, решение 1992 г. по делу о тюлениях Берингова моря) [7, р. 30; 8, р. 67; 9, р. 889–890] однозначно высказывается в пользу недопустимости злоупотребления правом. Государство может пользоваться своими субъективными правами в той степени, в какой оно не нарушает субъективных прав другого государства. Линия между добросовестным и недобросовестным использованием субъективными правами проходит по линии такого пользования субъективными правами, при котором не допускается нарушения обязательства по недопустимости нарушения субъективных прав другого государства. Возникший по факту злоупотребления правами спор подлежит передаче в Международный суд для вынесения по нему обязательного для сторон решения в режиме *res judicata*.

Международный суд при вынесении своего решения не только использует весь уже наработанный позитив источниковой базы международного права (суд, записано в консультативном заключении по делу в юридических последствиях для государств по факту присутствия ЮАР в Намибии от 21 июня 1971 г., «может действовать только на основе права») [10, р. 22], но и при этом уточняет, формирует новые нормы и принципы, констатирует создание международного обычая. Тем самым Международный суд играет важную роль в прогрессивном развитии современного международного права и его институтов. Так, в решении от 18 декабря 1951 г. по англо-норвежскому делу о рыболовстве суд констатировал становление принципа прямых исходных линий при определении границы территориальных вод [11, р. 116, 138–139]. Форму-

лирование судом принципа прямых исходных линий в качестве новой обычной международно-правовой нормы произошло по факту ее признания международным сообществом. С другой стороны, в решении от 20 февраля 1969 г. по делу о континентальном шельфе Северного моря суд высказался против факта существования или формирования новой обычно-правовой нормы в форме принципа равного отстояния при разграничении континентального шельфа [12, р. 27–28]. И, наконец, в решении от 6 апреля 1955 г. по делу Ноттебома суд подтвердил факт формирования международной обычно-правовой нормы в форме принципа реальной или эффективной связи при обосновании института гражданства [13, р. 16–17, 20–21]. Констатация со стороны Международного суда факта формирования нового принципа международного права проходит в объективном порядке наличия устоявшейся, длительной и непрерываемой практики и юридического убеждения государств-членов мирового сообщества в ее обязательности для себя (*opinion juris sive necessitatis*). Решения Международного суда, будучи способом констатации факта формирования новой международно-правовой нормы, сами (совместно с доктринами наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций) служат в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм (ст. 38 Статута суда). Совместно с международными конвенциями; международным обычаем; и общими принципами права, признанными цивилизованными нациями, судебные решения составляют собой источниковую базу современного международного права.

Качественный показатель вклада Международного суда в процесс прогрессивного развития международного права определяет себя постоянством действия, преемственностью происхождения судебного разбирательства, последовательностью в достижении справедливого решения дела.

Значимость Международного суда именно в аспекте миропорядка на основе верховенства права в юридической сущности суда как органа по обеспечению, толкованию, формулированию, прогрессивному развитию международного права показывает себя в реальном режиме. Государства вполне обоснованно выделяют судебную процедуру мирного разрешения споров по сравнению с другими способами мирного разрешения споров согласно ст. 33 Устава ООН. Преимущества судебной процедуры состоят в создании условий для окончательного разрешения спора в режиме юридически обязательного постановления для сторон. Политические способы мирного разрешения спора (переговоры, посредничество, обследование, примирение) при всей очевидной положительности своей предметной направленности по своей сути не ориентированы на достижение юридически обязательного акта. Понимая это очевидное обстоятельство, государства при возникновении востребован-

ности разрешения споров предпочитают судебную процедуру мирного разрешения спора по сравнению, в частности, с посредничеством (mediation) и примирением (conciliation). Возросшее обращение государств в Международный суд с целью мирного разрешения споров сводит на нет всякие утверждения по поводу «упадка», «второстепенности» роли суда в современной международной системе. Доводы профессора В. Моравецкого (W. Morawiecki) [1, p. 49, 225–231] в пользу «дисфункциональности» и «второстепенности» роли Международного суда сводятся к заявлениям о неготовности государств принимать обязательную юрисдикцию суда, жесткому и окончательному по своему характеру, способу разрешения международных споров по обстоятельствам появления «победителя» и «побежденного». В то время как суд предлагает «игру по принципу нулевой суммы» («zero sum game»), политические средства разрешения споров устанавливаются, утверждает В. Моравецкий, более гибкий и приемлемый вариант «игры по принципу не нулевой игры» («non-zero sum game»). Международный суд по всем объективным показателям своей деятельности не только не находится в упадке, но, наоборот, с каждым годом своей важной и направленной на обеспечение верховенства права деятельности повышает (через увеличение числа переданных ему дел государствами) свою включенность в современный миропорядок. В этом смысле вполне обоснованно говорить о том, что Международный суд на самом деле находится на подъеме. Доктрина международного права (например, профессор Б. Ченг, B. Cheng; Ф. Капоторти, F. Caportorti; Ш. Розенн, Sh. Rosenne; Л. Гросс, L. Gross; Л. Оппенгейм, L. Oppenheim; Р. Сзафарз, R. Szafars; М. Ляхс, M. Lachs) [4, p. 336–387; 1, p. 50, 52, 54, 72; 3, p. 11, 14; 14, p. 1–79; 15, p. 1–17] справедливо констатируют значимость роли Международного суда в плане устранения споров из взаимных отношений государств и введения их в русло сотрудничества, мирного взаимодействия и доверия. При этом в особом порядке вполне обоснованно обозначается роль Международного суда в деле обеспечения верховенства права Rule of Law в современном миропорядке. Замечания профессоров Г. Голсонга (H. Golsong) и Р.Й. Дженнига (R.Y. Jennings) в этом направлении однозначно правильны, поскольку целиком вписываются в реальные параметры включенности Международного суда в систему современных международных отношений [1, p. 42, 48, 52].

На общем фоне позитивности в восприятии значимости места и роли Международного суда в современном миропорядке доктринальные утверждения о «второстепенности» суда, неприемлемости однозначного решения спора между государствами, «жесткости» и «бескомпромиссностью» при нахождении пути урегулирования спорной ситуации требуют адекватного ответа с позиций современного международного права.

Дела возбуждаются в Международном суде, уста-

навливает ст. 40 Статута, нотификацией специального соглашения или письменным заявлением на имя секретаря суда. В обоих случаях требуется указание предмета спора (petitum) и сторон спора в режиме их юридического равенства (audiatur et altera pars).

Обращение в Международный суд в своем существенном юридическом восприятии нельзя никак рассматривать как недружественный акт. При любых случаях возбуждения дела в суде (нотификация специального соглашения или письменное заявление на имя секретаря) предварительное согласие сторон уже присутствует. В конце концов, а именно согласительная основа составляет собой юридическое обоснование при возбуждении дела в Международном суде. При обстоятельствах, когда в первоначальном плане в суде (и соответственно вынесения по нему решения) наличествует заранее выраженное согласие сторон, факт обращения одной из сторон спора в суд и возбуждение по этому факту дела в суде следует в общепринятом понимании вещей расценивать исключительно как согласующееся с логикой права намерение уважающего право государства изыскать справедливое решение возникшего (с другим государством) спора. Международный суд как независимый, беспристрастный орган международного правосудия, который знает право (jura novit curia), выносит в режиме юридического равенства сторон (audiatur et altera pars) через применение всей источниковой базы международного права (ст. 38 Статута суда) обязательное для сторон окончательное решение в параметрах res judicata. Таким образом, вместо фактора недружественности из обращения в суд выходит позитив согласующегося с правом стремления содействовать поддержанию верховенства права Rule of Law в международных отношениях.

В постановочном плане факторы окончательности и обязательности, присутствующие в решении суда, никак не могут рассматриваться в своем юридическом понимании pro или contra. В решении беспристрастного и независимого органа международного правосудия, каким выступает по всем меркам своего существа Международный суд, нет «победителя» и «проигравшего» в обычном понимании этих терминов. Есть институционно-правовой формат урегулирования спора, который должен быть разрешен навсегда и в конечном итоге получает свое надлежащее решение в соответствии с международным правом.

Право и справедливость, составляя собой источниковую базу современного международного права (ст. 38 Статута Международного Суда), создают надлежащую основу для окончательного разрешения межгосударственных споров. Принцип запрета non-liquet, как известно, предписывает правило, согласно которому суд, как орган правосудия не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Завершенность проблемы урегулирования международных споров в формате снятия проблемы неурегулирован-

ности спорной ситуации и поддержания юридической безопасности государств–членов ООН полностью вписывается в рамки внешнеполитического курса Российского государства по содействию поддержания верховенства права в системе современных международных отношений. Перевод спорной ситуации в режим дружественного взаимодействия государств–членов Организации Объединенных Наций выступает в качестве общей цели деятельности России на мировой арене как Великой державы, постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Показательная международно-правовая включенность Российской Федерации в дело отправления международного правосудия содействует выполнению целей и принципов Устава ООН.

Список источников / References

1. Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. Berlin, Heidelberg, New York, 1974.
2. Lauterpacht H. Being the Collected Papers of H. Lauterpacht. Cambridge, 1985. Vol. 2.
3. Oppenheim's International Law. Ninth Edition. Peace. London, 1992. Vol. 1.
4. Cheng B. General Principles of Law as applied by International Courts and Tribunals. London, 1953.
5. Zoller E. La Bonne Foi en Droit International Public. Paris, 1977.
6. Rousseau Ch. Droit International Public. Paris, 1970. T.1.
7. CPJI. Serie A. № 7.
8. CIJ. Recueil 1958.
9. Moore J. B. International Adjudications. New York, 1929.
10. CIJ. Recueil. 1971.
11. CIJ. Recueil. 1951.
12. CIJ. Recueil. 1969.
13. CIJ. Recueil. 1955.
14. Rosenne Sh. Intervention in the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, 1993.
15. Szafarz R. The Compulsory Jurisdiction of the International Court of Justice. Dordrecht, Boston, London, 1993.

Информация об авторах

В. В. Богатырёв — заведующий кафедрой «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор;

Р. А. Каламкарян — профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры «Международное право и внешнеэкономическая деятельность» Юридического института имени М.М. Сперанского Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых.

Information about the authors

V. V. Bogatyrev — Head of the Department of International Law and Foreign Economic Activity of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, Doctor of Legal Sciences, Professor;

R. A. Kalamkaryan — Professor of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of International Law and Foreign Economic Activity of the Law Institute named after M.M. Speransky of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.12.2022; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 21.12.2022; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.